

АЙРИС КАННА

Лилловый остров

ИЛИ ТРОЕ ИЗ ПРОШЛОГО

Айрис Канна

Лиловый остров, или

Трое из прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69405502

SelfPub; 2023

Аннотация

Трое наших современников по воле судьбы попадают в постапокалиптический мир далекого будущего. Смогут ли они найти друг друга, понять, зачем их свела судьба именно в этом времени и месте, и предотвратить апокалипсис? Повесть вошла в лонг-лист конкурса КнигуРу 2017 года.

Содержание

Пролог. Странное утро десятого июля	4
Глава первая. Лиловый остров	11
Глава вторая. В развалинах	27
Глава третья. Плохие новости и страшные тайны	46
Глава четвертая. Кошки-мышки	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Айрис Канна

Лиловый остров, или

Трое из прошлого

Пролог. Странное утро десятого июля

Кира невольно вздрогнула, когда на горизонте появилась зловеще темная, почти черная полоса воды. Через минуту открылось все море, с восхитительными перепадами цвета от нежно-бирюзового около берега до глубокого синего, угрожающего, на глубине. А после очередного витка серпантина она увидела прекрасную бухту, город Геленджик с маяком на толстом мысу, и задохнулась от восторга. Кира оглянулась. Никто не смотрел в окно. Вся группа была занята СМС-ками, фотками в смартфонах и болтовней.

Кира снова взглянула в окно. Далеко на горизонте в сгустившихся облаках появились очертания Лилового острова. Кира зажмурилась в испуге. Остров снился ей каждую ночь после победы в соревнованиях. Она даже нарисовала его, в надежде, что видение отстанет, но нет! Опять темное море, лиловые пальмы и огромные птицы, больше похожие на лю-

дей, под облаками. Кира открыла глаза. Мираж исчез. И облака продвинулись вперед и стали бело-розовыми.

Кира с тоской оглядела ребят в автобусе. Все такие шумные, крикливые. Отношения не заладились, как только сели в автобус. Кира кожей чувствовала неприязнь, с которой к ней относились девочки, и отвечала им взаимностью. Ну да, представители элиты спорта – гимнастки и легкоатлетки. А у нее – грубое карате. Мальчиков она тоже не интересовала – замкнутая, молчаливая, с короткой стрижкой темных волос, в джинсах и клетчатой рубаше, она казалась им слишком обыкновенной среди кокетливых и веселых сверстниц.

Почти в восемь часов утра автобус остановился перед распахнутыми воротами базы отдыха. По широкой, мощеной плиткой дорожке прошли мимо уютного двухэтажного коттеджа с балконами, оплетенными диким виноградом, к грязно-серому, как песок после прилива, зданию администрации. Заполнив бумаги, вожатый развел ребят по комнатам.

После завтрака отправились на пляж. Кира завернулась в яркое парео, нахлобучила козырьком назад кепку, надела огромные зеркальные очки, отчего сама себе напомнила стрекозу, взяла в прокате надувной матрас. Без пятнадцати десять Кира вошла в воду.

* * *

Группа военнослужащих отрабатывала приемы рукопаш-

ного боя. В половине десятого в спортзал вошел майор Светин – начальник заставы. Ему не было и сорока, но волосы уже приобрели серебристую окантовку на висках. Оглядев зал, кивнул сержанту.

Сергей одернул футболку, подошел. Светловолосый, среднего роста, худой, он чувствовал себя неоперившимся птенцом рядом с высоким и широким в плечах майором.

– Ты ж у нас лучник?

– Так точно, товарищ майор! – отрапортовал Сергей.

– Отменили лук на соревнованиях в этом году. Так что берись за стрелковое.

– Есть, братья за стрелковое!

Майор вышел. Сергей расстроился: надеялся встретиться на соревнованиях с матерью, скучал. Тренировка была скомкана. А без двадцати десять прозвучала тревога. Сергей кинулся в казарму.

Уже через пять минут наряд выехал к месту, откуда поступил сигнал о нарушении границы. Первое время Сергей страшно волновался при этих выездах. Теперь – привык. Обычно границу пересекали животные, благо здесь, в горах, их хватает. Сергей смотрел назад, туда, где маячил Большой Кавказский хребет. Облака то ли родились на склонах, то ли приплыли откуда-то издалека и обнимали снежные вершины. Высоко в небе парил орел. Надрывно гудел мотор старенькой машины, разрывая в клочья тишину.

Майор Светин проводил взглядом выехавший наряд, ото-

шел от окна и сел за свой рабочий стол. Он любил этот кабинет. Здесь не было ничего лишнего, все абсолютно функционально. Из украшений – на столе в рамочке черно-белое, отпечатанное на принтере фото. Жена с младенцем на руках и две дочери по бокам, словно Дева Мария с сыном и ангелами.

Майор выдвинул нижний ящик стола, извлек из-под папок, с самого дна, потрепанную общую тетрадь в зеленой клеенчатой обложке, открыл ее, взглянул на часы, написал: «10 июля. Понедельник. 9.45». Привычка вести дневник появилась в школьные годы. Дед сказал однажды:

– Вот так, умру я, и в памяти твоей следа не оставлю.

Сначала будущий майор записывал байки, воспоминания и анекдоты деда, потом – события собственной жизни. С возрастом записи становились все короче, реже. Теперь он писал раз в неделю. По понедельникам. В основном короткие, словно телеграммы, строчки, стараясь не касаться армейских тонкостей.

Подумал и добавил: «Отказано в участии в соревнованиях. Солдат, спортсмен-лучник, расстроился. Мечтал о встрече с матерью». Светин поставил точку, наклонился, чтобы спрятать дневник, и почувствовал первый толчок. Он был такой силы, что майор стукнулся головой о тумбу стола, снова достал тетрадь.

Васька был совершенно счастлив. Еще бы! Все в один день. Сегодня десятое июля, понедельник, и ему, Ваське, десять лет! Мать подарила смартфон. До сих пор он получал по наследству от старших братьев их потертые кнопочные телефоны. Ни интернета, ни игрушек, ни кинушек, ничего нет. И вот! Когда братья вдоволь наигрались с подарком сами, настроили его, наблюдая, как Васька потеет и потирает в нетерпении то руки, то лоб, то затылок и, наконец, отдали подарок имениннику, тот схватил гаджет и спрятался на чердаке, изучая новую собственность. Сделав первое в жизни селфи, разглядывал веснушчатое счастливое лицо с чуть вздернутым носом и непослушным вылинявшим под солнцем вихром. Но долго развлекаться не получилось: оказалось, для именинного пирога матери не хватило ягод. Пришлось всем троим плестись с корзинками в лес, на заветную поляну, где полно земляники. Сверили часы, вышли без четверти десять.

Васька всю дорогу отставал. То ему вдруг понадобилось сфотографировать наклонившуюся над обрывом полусухую сосну, то в прорехе зеленых крон мелькнула бриллиантовым блеском далекая снежная вершина, ее тоже необходимо было запечатлеть, то голодная сойка выскочила на тропу, прямо перед Васькой. А как шумит поток! Васька и это «заснял».

Пока шли к нужной поляне, Васька очень отстал. Он уже собрался припустить бегом, но увидел тот самый бук! Старое, покрытое серо-зелеными пятнами мха, дерево с небольшим овальным дуплом. Васька столько раз хотел заглянуть в него. Дупло как раз находилось вровень с его глазами, но братья вечно пугали: то – змея выползет, то – птица в глаз клюнет. Так ни разу и не осмелился.

Сейчас, воспользовавшись ненароком свалившейся свободой, Васька заглянул в дупло. Сначала он вообще ничего не увидел, но быстро сообразил – с закрытыми глазами не смотрят. Он распахнул глаза и увидел скалу! Отпрянул, приник снова к отверстию. Так и есть – скала!

Васька обошел ствол. Бук стоял в полуметре от крутого склона горы, и с другой стороны в нем тоже зияло дупло, в Васькин рост, словно вход вовнутрь. Васька крадучись подошел ближе, заглянул: никого! Только впереди светилось маленькое овальное окошечко. Бук внутри был пуст.

Васька влез в чрево дерева, сделал два шажка и выглянул наружу. Увиденное заставило его отпрянуть, прижаться к осыпающейся древесине и зажмурить глаза. Поперек тропинки, где он только что шел, лежал ствол поваленной огромной сосны. Корни, уже подсохшие, торчали ореолом на два метра, крона нависла над пропастью. Несколько пограничников в потрепанных, линялых и порванных формах, перетаскивали через сосну сделанные из веток носилки, на которых кто-то стонал.

Сколько Васька так простоял, он и сам сказать не мог. Он даже про смартфон забыл. Когда же решился выглянуть снова, увидел высохшую, почти развалившуюся сосну, в голой кроне которой над пропастью висел мертвый филин, одним крылом зацепившийся за ветку. Второе крыло грязной тряпкой свешивалось вниз, из горла птицы торчала стрела с белым оперением.

Сердце у Васьки гулко стучало где-то под подбородком, тело покрылось гусиной кожей. Ощупывая трухлявое дерево, Васька повернулся к выходу и задохнулся: дупло, через которое он влез внутрь, оказалось завалено камнями.

Глава первая. Лиловый остров

Кира с трудом разлепила веки и уставилась в высокое прозрачное небо, попыталась повернуться на бок. Боль пронзила все тело.

«Проклятый шторм! Эк помотало!» Кира вспомнила, как она, подгребая руками, лавировала между плещущимися девчонками, доплыла до буя и собиралась повернуть обратно. Откуда взялся шквал ветра? Кира пошевелила пальцами, повернулась на бок, превозмогая боль. Ее взгляду открылась гряда лиловых пальм. Лиловыми были и листья, и стволы, и кустики травы под пальмами.

Кира вспомнила свой сон. Она просыпалась каждый раз, когда начинали звучать тамбурины. Вдруг слышала частый дробный ритм, но в этот раз она не спала. Внутри похолодело. Она огляделась и увидела высокие густые кусты незнакомого растения. Забыв про боль, поползла к ним и затаилась. Ритм учащался, пение, сопровождавшее тамбурины, становилось все громче. Кира слышала знакомые слова: «Жертвы, пир, ночь».

Прячась за кустами, Кира подползла ближе. Солнце уже склонялось к закату, и в его последних лучах Кира увидела странную картину. Женщины и мужчины, завернутые в парео, сутулые, будто горбатые, танцевали какой-то дикий танец на площадке вокруг вкопанного в землю высокого брев-

на буро-коричневого цвета. Мужчины на полусогнутых ногах с тамбуринами между колен выкидывали в стороны то одну, то другую ногу, женщины высоко подпрыгивали, поворачиваясь в воздухе, изгибаясь, словно змеи. Их длинные горбатые тени переплетались, напоминая скопище длинноногих пауков.

Вокруг расположилось несколько хижин на невысоких сваях, похожих на бунгало с маленькими террасами. Сразу за постройками начинался лес. В стороне, почти в лесу горел костер, на нем жарилось мясо. В воздухе витали такие запахи, что Кира сглотнула слюну. У костра копошился такой же, как и танцующие, горбатый мужчина, опоясанный большим белым фартуком. Он снимал шампуры с готовым мясом, перекладывал на блюдо, стоявшее рядом на грубом деревянном столе. Над огнем раскладывал новые шампуры. На столе, кроме мяса, стояли плошки с соусами, тарелки со свежими и печеными овощами, высокие керамические кувшины. У Киры засосало под ложечкой и закружилась голова, она уже подумывала выйти, но тут в центре появилась женщина, солнце выхватило ее лицо. Увидев белесый, идущий от левого виска к правому углу рта шрам, Кира решила не показываться. Один глаз, матово белый, смотрел в сторону, второй, черный, – казалось, заглядывал Кире в душу. Женщина выглядела старухой, так отвисла кожа на шее и открытых руках.

– Сегодня посвящаем Нико! – прокричала она громким,

ВИЗГЛИВЫМ ГОЛОСОМ.

Танцующие вытолкнули на середину площади парня со светлыми курчавыми, почти до плеч волосами, перехваченными тесемкой через лоб. Парень удивленно озирался по сторонам. Старуха взяла его за руку, и они отправились к ближайшей хижине. Остальные выстроились вокруг и продолжали орать и прыгать.

Через несколько минут из бунгало вышла старуха, за ней парень. Он нес на руках девушку. Кире показалось, что та мертва, так безвольно свешивались вниз голова и руки. Парень поднес девушку к столбу. У Кире даже дыхание перехватило.

– Рамон, – крикнула старуха, – помоги ему.

Подошел мужчина, до этого незаметно стоявший в тени деревьев. Он подхватил девушку под мышки, а парень быстро привязал ее к бревну. Тени удлинились, солнце коснулось горизонта. От стола отошла еще одна женщина. Она была несколько полновата, но двигалась быстро и свободно. В руках она держала бутыль.

– Выпьем, друзья! Надо лететь! Дух Острова уже близко, – прокричала старуха.

Кира обратила внимание, что стаканы подставили все, кроме старухи, Рамона, придерживавшего девушку возле столба, и той женщины, что разливала напиток. Налив, женщина отнесла бутыль на стол и принесла кувшин. Из него налила остальным. Поставила кувшин назад. Так же танцуя и

высоко подпрыгивая, горбуны разобрали шампуры. Грязными руками они хватали овощи, жадно поглощая все подряд. Через пятнадцать минут старуха хлопнула в ладоши, сорвала парео, оставшись в майке и коротких брюках, расправила тонкие кожистые крылья и взлетела. За ней устремились в небо остальные. Кира обомлела, осознав, что их сутулость объяснялась сложенными за спиной крыльями. Она, замерев, провожала взглядом вереницу птице-людей, летящих на восток.

Когда они скрылись, Кира подошла к бревну и поняла, что девушка дышит. Она спала. Кира развязала веревки, положила девушку на землю и села рядом. Надо что-то делать, но что? Вдруг из глубины леса раздался рев. Кира подхватила девушку, взвалила себе на спину и потащила к ближайшей хижине. Так тяжело ей еще не было! Держа ношу одной рукой, второй цепляясь за деревянные поручни, она взобралась на террасу. Затащила жертву в хижину, – теперь Кира понимала, что это был обряд жертвоприношения, – отдышалась, оставила девушку на полу и вышла.

Быстро проскользнула к столу, схватила несколько шампуров с готовым мясом, тарелку с овощами и пузатый кувшин, из которого пили трое, как Кира поняла, «главных» участников жуткого действа, бросилась назад. Сзади, почти за спиной, раздался тот же рык. Добравшись до бунгало, Кира оглянулась: огромная черная кошка обнюхивала столб. Она выгнула спину, потянулась, достав передними лапами

почти до его вершины, вонзила когти и протянула лапы вниз, вспарывая дерево, как пластилин.

Кира застыла. Пантера посмотрела на нее, мурлыкнула и взревела, оскалив жуткую пасть, развернулась и взлетела в воздух. Кира обмерла, понимая, что это последние мгновения ее жизни. А также и жизни девушки-аборигенки. Эта кошка может все! Невысокие сваи для нее не преграда. А у Киры никакого оружия нет. Нож на столе, но до него далеко.

Неожиданно кошка грузно упала к ее ногам, и Киру, вместе с тарелкой и кувшином, кто-то подхватил, поднял на террасу. Из горла мертвого животного торчала стрела с белым оперением, которое очень быстро окрашивалось струйкой крови в алый цвет.

Кира взглянула на своего спасителя. Парень с рыжей волнистой шевелюрой навис над ней горой: высокий, мускулистый, кожистые крылья, не успевшие до конца сложиться, нервно подрагивали и увеличивали и без того широкие плечи.

– Где девушка? – спросил он. – Дана?

– В хижине, – голос Киры дрожал.

Парень отпустил Киру и, резко развернувшись, направился в бунгало, больно хлестнув ее крылом по ногам. Кира даже вскрикнула, он не обернулся. Она снова глянула вниз. Мертвое животное, казалось, из-за приопущенных век наблюдает за ней. Кира невольно содрогнулась.

Кира вошла в бунгало. Парень стоял, опираясь на лук. В

свете луны Кира видела, что он улыбается, глядя на спящую девушку.

В хижине из мебели – только разбросанные по полу подушки. В середине стояли несколько незажженных свечей. Кира прижимала к себе кувшин и тарелку не в силах отвести взгляд от подрагивающих крыльев парня.

– У тебя нет крыльев? – удивленно спросил он, забирая у Киры еду и ставя ее на пол хижины.

Кира кивнула, чувствуя судорожный ком в горле. У нее зачесалась спина. Потершись о стену, не ощутила ничего, словно за спиной воздушная подушка. Но стоило ей сделать пару шагов, как какая-то тяжесть потянула ее назад. Она наступила на что-то мягкое и вскрикнула от боли в плече. Оглянулась: по полу безвольно волочились крылья! Парень протянул руку, поддерживая Киру:

– Таир, меня зовут Таир.

Почувствовав головокружение, Кира едва не упала. Парень помог ей пройти на середину комнаты. Мысли спутались окончательно. Кире казалось, что она сходит с ума. Крылья! Этого не может быть! Она ощупала спину, крылья никуда не делись. Мало того, они тянули ее назад, а правое еще и болело. Где-то внизу.

– Дай посмотрю, – Таир склонился над крылом, ощупывая его длинными, тонкими, как у пианиста, пальцами. – Ничего, хорды целые. Заживет.

То ли от страха, то ли от голода Кира почувствовала

тошноту. Сглотнув слюну, села на подушку. Попытка сложить крылья ни к чему не привела. Они распластались сзади, словно кожаная накидка. Таир зажег свечи приспособлением, напомнившим Кире зажигалку. В тусклом свете он казался кем-то неземным, потусторонним. Рыжие волосы словно горели, зеленые глаза поблескивали. Может, он был дьяволом, может, ангелом. Она уже не понимала, жива ли сама. Но запах жареного мяса и специй заставил ее поверить, что жива. Кира взяла кусок мяса, вдохнула пряный аромат.

– Таир, может, и вы поедите? Меня зовут Кира, – предложила она.

– Если не жалко, – низким с легкой хрипотцой голосом ответил он, подходя ближе и усаживаясь на подушку рядом, – последний раз я ел прошлым утром.

Он выбрал кусок мяса, понюхал.

– Горная козочка, – задумчиво сообщил парень. Утолив первый голод, он спросил: – А откуда ты?

– Сложно сказать... Утром я попала в шторм. Но не мог же шторм длиться целый день? А на берег меня выкинуло вечером, – ответила Кира, – вы можете объяснить, что это за место?

– Мы называем наш мир Потерянным. Впрочем, давай будем проще, перейдем на ты?

– А как выбраться отсюда? – Кира кивнула.

– Раз сюда можно попасть, значит, можно и выбраться. Впрочем, ты первая чужестранка, которую я вижу!

Кира услышала, что Дана заворочалась во сне, застонала, хлопнула расправленным крылом по полу, всколыхнув пламя свечей. По стенам запрыгали размытые тени. Где-то в лесу раздался рев таинственного зверя.

Кира бросила взгляд на циновку, закрывающую вход.

– Это далеко, – успокоил, прислушиваясь, Таир.

Он подложил Дана под голову подушку. Кира попробовала расправить крылья, у нее получилось. Потом пошевелила одним, другим, обоими. Вдруг, словно очнувшись, спросила:

– Я реально первая чужестранка? Как же выбраться?

Таир пожал плечами.

– О! – Кира закатила глаза. – А дальше? Что будет дальше?

– Для начала надо выспаться, – сказал Таир, – все равно остров мы так просто не покинем.

– Почему?

– Ты должна научиться летать. Вплавь далеко. И улететь надо так, чтобы никто ничего не понял, – Таир неопределенно махнул головой в сторону двери. Он взбил валявшуюся рядом подушку и растянулся на полу возле порога.

– Ты реально собираешься спать? – у Киры потемнело в глазах.

– Конечно.

– Но там... – Кира показала рукой на циновку.

– Я чутко сплю. Не бойся, задуй свечи, – Таир повернулся лицом к циновке, и через пару минут Кира поняла, что он

СПИТ.

* * *

Сквозь неплотное плетение стен хижины проникал блеклый лунный свет. Кира долго не могла уснуть. Навалились воспоминания. Она вспомнила школу и одноклассников. Тот день, когда она первый раз вошла в класс в городе, куда назначили отца на повышение. Лучше бы этого не случилось! Первое, что она услышала от новых одноклассников после отличного ответа у доски, было:

— Гуси гогочут, город горит, каждая гадость на «г» говорит.

Так она и не научилась гхекать. И друзей не приобрела. Кира поднялась, придерживая рукой непослушные крылья, прокралась к стене, выглянула в щель. В лунном свете пальмы казались черными. Легкий ветер колыхал ветки кустов, доносился невнятный шум моря, пахло йодом и медуницей. Вскрикнул филин, видимо, хвастаясь пойманной дичью. А может, звал подругу?

Бревно посреди деревни, высвеченное луной, торчало указательным перстом, предупреждением: здесь опасно. Кира всегда была уверена в себе. Не боялась ни непогоды, ни темноты. Занятия спортом закалили не только тело, но и душу. Она бегала лучше всех в классе, во всех спаррингах побеждала. Один раз, два года назад, проиграла. Но тогда про-

тив нее, тринадцатилетней девчонки, поставили пятнадцатилетнюю соперницу. Объяснили тем, что одинаковые весовые категории, и у обеих тогда был синий пояс. Мама хотела забрать ее из секции. Но Кира отстояла право заниматься любимым спортом. Сейчас же, глядя на бревно, она почувствовала озноб, ей стало страшно. «Куда я попала? – подумала Кира. – Что это за первобытные обычаи?»

Через площадь проскочил заяц, обежав несколько раз вокруг бревна и стола. За ним по следу прошла лиса. Она задержалась посреди площади, приподняла мордочку вверх, принялась, поворачиваясь, взглянула на хижину, где сидела Кира, фыркнула неодобрительно и пошла по следу дальше. Кира надеялась, что заяц успел уйти далеко. Снова ухнул филин. Кира увидела, как птица вылетела из леса и уселась на верхушку бревна. Кира почувствовала, что засыпает, как вдруг филин взлетел, резко кинулся вниз, чиркнув лапами о землю. Когда он пролетал мимо, плавно взмахивая крыльями, Кира поняла, что в лапах он нес добычу. Она представила бьющуюся в страхе мышь.

Кира легла на пол здесь же, около стены, и тихо заплакала. Впервые за несколько лет. Снова вспомнила школу. Старая обида на одноклассников сейчас казалась глупостью. Тогда она кинулась защищать новенького, пришедшего в класс через месяц после нее. Мальчишки его избивали. Всем классом навалились на одного. Кира, со своим коричневым поясом по карате, в мгновение их раскидала. А новенький хмык-

нул и сказал:

– Без сопливых обошелся бы, тоже мне – Рэмбо нашлась! Тебя звали? – он обошел ее и вышел из класса. Следом ушли остальные.

Так Кира окончательно осталась одна. Дома отец тоже не одобрил ее поступок.

– Лучше бы ты за учителем сбегала, раз видела, что пацан в опасности. А так ты его унизила. Да и всех остальных тоже. Это же стыдно – девчонка пацанов раскидала, понимаешь? – сказал он, посмотрел на задохнувшуюся в возмущении Киру, усмехнулся, – Да не злись. Пойми, мальчишке что – ему лучше помереть, чем оказаться под защитой у девчонки.

Кира это запомнила. Но и класс тоже не забыл и затаился, ожидая, когда она споткнется. Победа на областных соревнованиях по карате у одноклассников радости не вызвала. Кира не спотыкалась.

На пол бунгало откуда-то сверху мягко опустилась мама. Она погладила Киру по голове, поцеловала родинку на щеке и прошептала:

– Спи уже, сколько можно?

* * *

Киру разбудило солнце. Циновку, закрывавшую вход, откинули на крышу, и чуть поднявшееся над горизонтом солнце ярко освещало пустую комнату. Кира была одна. Крылья

безвольно распластались по полу, попытка их собрать не удалась. Кира падала, крутилась, пока не разозлилась. Если бы это был сон! И где все? Может – бросили?

Кое-как собрав крылья и придерживая их рукой, она вышла на террасу. Дана возилась около стола. Кира взялась за поручни и расправила крылья, потом сложила, взмахнула обоими. Почувствовала, что крылья слушаются. Сделав взмах, оторвалась от пола и взлетела. Дана испуганно вскрикнула, когда Кира приземлилась сзади.

– А Таир сказал, что ты не умеешь летать, – Дана чуть шепелявила.

– Я тоже так думала...

– Отлично! Значит, улетим сегодня. Вдруг они вернутся? – Дана собирала со стола остатки ночного пиршества.

– А где Таир?

– Хоронит кошку. Может, не сразу поймут, что ее больше нет, а я жива.

– Ты реально похожа на Таира, такая же рыжая и зеленоглазая, – сказала Кира.

– Он мой брат, – Дана подхватила кувшин, – слетаю за водой. Таир сказал, что родник в центре острова.

Оставшись одна, Кира расправила крылья и взлетела. Как легко оказалось парить над площадью, можно разглядеть окрестности. Вдали виднелся берег. Что там ее ждет? Неприятное чувство появилось в районе солнечного сплетения. Вспомнив старуху и вчерашний обряд, Кира опусти-

лась вниз. Дома по утрам она всегда делала разминку. Не зарядку, а самую настоящую разминку. Сейчас, чтобы заглушить тревожные мысли, решила размяться. Она не понимала, ни где находится, ни кто друзья, а кто враги. В глубине души чувствовала, что не нужна ни Таиру, ни его сестре. Кажалось, они могут ее бросить в любой момент. Значит, любимый спорт может пригодиться в этом чужом, неведомом и опасном мире.

Сложенные крылья едва доставали до колен. Кира пробежала несколько раз вокруг площади, вздымая легкие облачка пыли и постоянно наращивая темп. Потом сделала десяток отжимов и растяжек, приседая то на левую, то на правую ногу. При этом не забывала следить за крыльями. Она их все время чувствовала. Расставив широко ноги, слегка согнув их в коленях, пружинисто затанцевала вокруг бревна, представляя, что оно и есть ее спарринг-партнер. Сделала несколько выпадов ногами вверх и в стороны, с облегчением поняла, что крылья уже не мешают.

Солнце стояло в зените, нещадно разогревая влажный воздух. Из-за леса появилась низко летящая фигура, крыльями почти касаясь крон деревьев. Кира вернулась в хижину.

– С полуденным солнцем, Кира! – Таир опустился на террасу. – А где Дана?

– Полетела за водой.

Таир выскочил из бунгало и снова взмыл вверх.

– Будь осторожна, здесь есть еще кошки, – крикнул он, –

от них можно только улететь, – Таир развернулся в воздухе, но вернулся к двери, предупредил: – Если что, перелетай от дерева к дереву, от крыши к крыше, не удаляйся от хижин. Иначе мы тебя не найдем.

Кира снова почувствовала холодок внутри. Она взлетела на крышу бунгало. Здесь был хороший обзор. Далекий берег, облитый солнечными лучами, сверкал разноцветными крышами домов, горы, покрытые лесами, показались знакомыми. Кира спустилась в хижину. Вскоре вернулись Таир и Дана. В руках они держали крупных черных котят. Таир бросил котенка на пол:

– По мне, их лучше утопить.

– Жалко, они такие милые, – Дана подхватила брошенного братом котенка, – мы их воспитаем добрыми и ласковыми.

– А кормить чем будешь? Судя по тому, что я видел прошлой ночью, они привыкли к человечине.

– Не думаю. Маленькие... Они еще никакого мяса не пробовали, только материнское молоко.

Дана смастерила из найденных здесь же веревок нечто вроде поводков, привязала котят к плетеной стене хижины. Кира хотела расспросить Дану о жизни на материке, но девушка сказала, что устала и уснула.

– Она всегда такая слабая? – спросила Кира, усаживаясь на верхней ступени лестницы.

– Я не знаю, какая она обычно, – Таир спустился вниз, – осмотрю пока другие хижины.

Кира осталась одна. Она не сводила глаз с далекого берега. Но рассмотреть ничего не могла. В хижине пищали голодные котят. Поднявшийся ветер принес прохладу. Вернулся Таир. Он кинул недовольный взгляд в бунгало:

– Чем их кормить? – спросил.

– Надеюсь, Дана знает, – Кира пожала плечами и почувствовала, как приподнялись крылья. Она почти забыла о них. Снова кольнуло неприятное чувство тревоги.

– Надо окунуться, пока солнце не спряталось, – предложил Таир, – чтобы покинуть остров с началом ночи.

Он вошел в бунгало и бесцеремонно толкнул спящую сестру:

– Все проспишь, вставай!

Кира взлетела вслед за Даной и удивилась, как легко и свободно в воздухе. Таир далеко не отлетал. Море лениво накатывало волны на песчаный берег. Несколько взмахов крыльями, и они оказались над голубым, с мелкими барашками пены, простором. Кира нырнула, сложив крылья за спиной, вынырнув, раскрыла крылья и легла на воду. Море успокаивало. Дана и Таир плескались, разбрызгивая воду, словно огромные лебеди. Наконец Таир подал знак выходить. Он встал в кромке прибоя и расправил крылья. В лучах заходящего солнца они, полупрозрачные и кожистые, просвечивали прожилками вен и артерий, тонкими, подобными костям хордами.

Закатные лучи теперь почти не проникали внутрь хижины. В сероватом сумраке первое, что они увидели, вернувшись после купания, – отгрызенный конец веревки. Вторая веревка тянулась вглубь бунгало. Одного котенка нашли забившимся под подушки, второй исчез.

– Поищем? – Дана направилась к двери.

– Нет, надо лететь, – Таир схватил сестру за руку, – нам еще убежище в городе искать. Впрочем, думаю, Шевин спрячет.

– А что ты вообще собираешься делать? – Дана оглядывала площадь, надеясь увидеть второго котенка.

– Выяснить, что происходит. Почему умерли родители, что это кодро хотело от тебя. Впрочем, для начала переправить вас в монастырь.

Глава вторая. В развалинах

Ночной перелет с острова в город оказался не таким страшным, как думала Кира. Таир все время летел рядом. Дана, чуть впереди, прижимала к груди испуганно мяукающего, как домашняя кошка, детеныша черной пантеры. Было прохладно, море бурлило, но попутный ветер помогал.

Они опустились на высокий мыс в заросли каких-то колючих кустов. Кира не успела вовремя сложить крылья и сильно оцарапалась. Луна освещала тихую бухту слева, на противоположном берегу виднелись огни. Впереди возвышалась темная громада то ли холма, то ли развалин. Из кустов навстречу путникам с лаем выскочил лохматый пес. Следом появился высокий худощавый мужчина.

– Кто здесь? – спросил он. – Дик, ко мне! Ах ты, гиена порченная, звонкий какой!

– Это я, Таир. С луной тебя, Шевин! Убери пса, девушки боятся.

В этот момент отчаянно пискнула кошка в руках Даны.

– И не только девушки, – сказал мужчина, – что это за зверь у вас?

– Давай поговорим позже. Ты спрячешь нас?

– Вот как? Вас надо прятать? – в голосе Шевина удивления не было, скорее усмешка. – Ну, идем. Для начала в мою берлогу.

Гуськом они пробрались по узкой тропке к развалинам, обошли их и оказались в ухоженном, залитом лунным светом, винограднике. Справа, словно сакля у скалы, прилепилась к высокой стене развалин небольшая мазанка. Дверь в нее была приоткрыта, оттуда пахло самым настоящим борщом. Компания едва поместилась в маленькой комнате. Кира оглядела мазанку: оконце завешено плотной тканью, на столе горящая свеча, на печи справа от двери – кастрюля, из которой и исходил аппетитный запах. Мужчина сбросил на пол со скамьи у стола ворох тряпья.

– Рассаживайтесь, где придется. Сейчас я вас покормлю. Таир, принеси пару табуреток.

Таир исчез за печкой. Кира увидела на стене, покрытой трещинами и пылью, зеркало, взглянула на себя и ужаснулась: нечесанные волосы торчали в стороны, лицо обветрилось и обгорело, покрылось пятнами, ресницы выцвели на солнце, отчего серые глаза казались почти черными. «Да, неземная красота», – подумала она. Отходя, Кира заметила насмешливый взгляд Шевина.

– Ничего, красавица, – сказал он, – и расческа найдется, и мылом богаты. Все наладится. Окунешься пару раз в нашу бухту, ох как расцветешь!

– Нельзя нам в бухту, – сказал Таир, заходя в комнату с двумя табуретками в руках, – нас шаманы искать будут.

– Да понял я, – ответил мужчина, – у нас тут больше не от кого прятаться.

Шевин разлил по тарелкам наваристый борщ, аппетитный запах заполнил маленькую комнату. Дана, не обращая ни на кого внимания, ласкала кошку. Таир сел рядом с сестрой на скамью, и устало прикрыл глаза.

– Ешьте, – сказал хозяин.

Кира разглядывала надтреснутую тарелку. Надпись поблекшей золотой вязью «Чайка Геленджик» повергла ее в шок. Борщ оказался неожиданно вкусным. А после еды навалилась усталость, и страшно захотелось спать. Шевин поднялся с места.

– Пойдемте, устрою вас ночевать, – сказал он и направился к печи, за которой оказался лаз, не видимый от двери и стола, – там, в развалинах маяка, вас никто не заметит.

Они спустились на несколько ступеней и вышли в большое помещение. Освещалось оно еле пробивавшимся сквозь щели на потолке лунным светом, поэтому разглядеть что-либо оказалось невозможно. Пахло застоявшейся пылью и мышами. Путники нащупали на полу маты из сухой травы, чем-то накрытые. Они обрадовались и этому.

Кира проснулась от ощущения, что кто-то пробежал по ноге. Чуть не вскрикнула. Над ней прошла тень. Она поняла, что Таир встал и очень тихо прошел к выходу, мазнув нечаянно ее по ноге крыльями. Кира прокралась следом. Осторожно ступая по шатким древним ступеням, дошла до провала в кухню, где вечером ужинали. И услышала громкий вскрик, тут же залаял пес. Через секунду раздался голос Та-

ира:

– Ну прости, впрочем, я не знал, что ты спишь на полу.

– Ох, ты, гиена порченная! Ногу отдал! – раздался ответ Шевина. – Обычно я сплю в развалинах башни.

– Ты бы голову подставил, – рассмеялся Таир.

Кира притаилась, вслушиваясь в разговор. Но друзья шептались так тихо, что пришлось ни с чем уйти обратно.

* * *

Таир помог подняться Шевину. Тот засветил маленькую свечу на столе, старательно задернул шторы на окне и двери, сказал:

– Надеюсь, не увидят, гиена их возьми, порченная.

– Что творится в нашем мире? – Таир прошел к столу, сел и оперся спиной о стену.

– Почему не спишь? – Шевин поставил на стол чашки.

– Может, ты мне объяснишь? – Таир налил себе холодного чаю.

– Трудно объяснить, когда сам не понимаешь, чайник согреть?

– Не надо. Рассказывай.

– Да ничего я не знаю. Пропадают люди. Целыми семьями. Аглая, гиена порченная, имущество наследует. Или она, или кто из ее приспешников, – Шевин помолчал, спросил: – Вот скажи, где ты сестру нашел, и что это за девица странная?

– Почему странная?

– Так перепуганная же. И не похожа на наших. И речь.

Странно так «г» произносит, с придыханием каким-то.

– А если я тебе еще скажу, что она была бескрылой...

– Как? Этого не может быть!

– Но – было. Сам видел.

– Может, выпьем винца? – предложил Шевин. – У меня здесь есть, красное, кислое.

Шевин поднялся и зашел за печь. Звонко цокнули раздвигаемые Шевином бутылки, он немного повозился и вернулся в кухню. Таир смотрел, как Шевин разливает вино. В свете свечи оно играло красками от розового до глубокого бордового. Шевин нарезал тонко сыр и вяленое мясо, сел напротив.

– Так расскажи подробнее, что это за девица, и где ты нашел Дану.

– Девица спасла Дану от пантеры. Аглая совершает обряды жертвоприношений на своем острове.

Шевин поперхнулся.

– Ба! Вот... гиена порченная! Как?

– А как в древних книгах написано, – Таир помолчал, разглядывая на свет напиток, поворачивая и наклоня бокал. – Впрочем, не зря же она несколько лет провела в монастыре. Читать научилась.

Тявкнул пес, подбежав к порогу. Таир с бокалом в руке вскочил и бросился за печь. Шевин направился к двери. В

полумраке сакли сложенные за спиной крылья придали его тени вид огромного, фантастического существа. Шевин выглянул, осмотрелся, закрыл двери.

– Да, гиена порченная, – сказал он, возвращаясь к столу, – пуганые мы какие стали. Это кошка пробежала.

Таир вернулся за стол. Мужчины замолчали надолго. Наконец, Шевин спросил:

– Так тебе Дана рассказала?

– Она ничего не помнит. Но я утром осмотрел деревню на острове.

– Там есть деревня?

– Несколько пустых хижин на сваях. Посредине – высокое бревно, пропитанное запекшейся кровью.

Шевин даже рот открыл и выпучил глаза. Таир усмехнулся.

– Меня интересует, как это все делается, что никто не знает? – спросил он, глотнув вина.

– Да. Так Дана не помнит? Может, поит чем? Есть тут у нас Максимыч. Травки ходит, собирает. Помнишь Максимыча? – Шевин подпер подбородок кулаком.

– Помню. Впрочем, плохо помню, смутно.

– И я давно не видел. Надо бы слетать, посмотреть, – Шевин взял ломоть хлеба, положил сверху мясо, поднес ко рту и застыл. Вдруг встрепенулся: – Так ты мне о девчонке расскажи.

– Сам не знаю ничего. Только то, что Дану спасла. Я когда

подлетал к острову, видел в лунном свете, как она тащила ее на себе к хижине от столба. Как затаскивала наверх, не знаю. Потом выскочила кошка, – Таир помолчал. – Котенок её.

Шевин наклонился вперед, жадно вглядываясь в его лицо.

– Так что кошка?

– Вспорола деревянный столб, как плуг землю. Кинулась на Киру. Та внизу еще была. Убил я зверя. С земли Киру бескрылую поднял, а в хижину вошла – крылья волочились.

Шевин даже присвистнул, хлопнул ладонями по бокам, потом взъерошил волосы. Таир налил вторую чашку чая.

– Что ты думаешь? – спросил он.

– Так ведьма она, девка твоя. Точно!

– Что же это, испуганная ведьма? – усмехнулся Таир, отправляя в рот очередной кусок мяса.

– Так крылья!

– Нет, тут что-то другое. Отведешь нас в монастырь? Пещерой.

– Отведу, чего ж не отвести, – Шевин усмехнулся. – А ты спрашивал, кто она?

– Говорит, в шторм попала. Меня больше волнует Аглая с ее жертвоприношениями. С девчонкой пусть монахи разбираются. Ладно, пойду спать. Оставим размышления на утро. По городу погуляю... Присмотрюсь, что к чему.

– Иди, я не усну теперь. Вот же, гиена порченная!

Возле Киры сидел единственный друг – коричневый с подпалинами дог Лорд. Это ему она доверяла свои тайны. Хотя и тайн особых не было. Мама возилась на кухне. Кира слышала, как она гремит кастрюлями. Лорд сидел на полу перед Кирой и внимательно слушал. Кира рассказывала про остров, Дану и Таира, спрашивала, как ей быть. Лорд глубокомысленно и гордо кивал, не говоря ни слова. А Кира так надеялась на помощь. Она хотела подняться, чтобы пройти на кухню, к маме, но ноги почему-то не двинулись, будто налитые свинцом, хотела встать, но Лорд положил на колени тяжелую лобастую голову и придавил. Кира поняла, что выбраться не может, разволновалась, попыталась оттолкнуть пса, теперь руки, словно ватные, не двигались. Она хотела крикнуть, позвать маму, язык странно завяз во рту, Кира рванулась, что есть сил, и проснулась.

Не вставая с постели, огляделась, поняла, что находится внутри развалин башни метров пяти в диаметре. Вдоль округлой стены кверху поднималась лестница. Разлом прошел несколько выше деревянного перекрытия. На стенах штукатурка местами облупилась, оголив каменную кладку, ржавые перила лестницы кое-где погнулись и упали. Над перекрытием на стене башни лежали листы ржавого железа. Вряд ли в непогоду они хорошо защищали, потому что

сквозь щели ярко светило солнце.

Стараясь не разбудить Дану и Таира, Кира подошла к лестнице, осторожно поднялась к самому верху, откуда пробивались солнечные лучи. Заглянула в дыру между стеной и железом. Стена оказалась толстой, не менее тридцати-сорока сантиметров. Между железными листами, служившими крышей, и стеной образовался зазор с полметра из-за неровности обвалившейся стены маяка. Получилось довольно большое открытое оконце, в котором Кира увидела живописную бухту. На противоположном мысу веселые домики, сады. Берег между мысами казался нежилым. Там виднелись развалины, поросшие травой и кустарником. За ними – знакомая горная гряда. У Киры перехватило дыхание. Она узнала бухту и горы за ней. Даже раздавшийся сзади шум крыльев не заставил ее оторваться от открывшейся панорамы. Дана мягко опустилась рядом.

– Как ты?

– На тарелке была надпись «Чайка Геленджик», – вместо ответа сказала Кира, заглянула в глаза Данае, – из такой точно тарелки я реально ела позавчера на завтраке.

– Да? – Дана удивленно смотрела на Киру. – Что это значит?

– А там, – Кира указала на зазор, в который только что смотрела, – там развалины Геленджика. Сутки назад я там плавала на матрасе.

– Я не понимаю.

– Я тоже. Может, я умерла? И это мой рай или ад?

– Нет, мы живы. А Геленджик разрушен более пяти сотен лет назад.

– Я там была позавчера! – Кира почти кричала, из глаз покатались слезы. – Там все было прекрасно! Реально! Люди гуляли, купались. И все без крыльев. – Обе молчали. Кира снова приникла к окну, оглядывая берег. – А это, – Кира повела рукой вокруг, – развалины маяка на Толстом мысу. И не вчерашние, им уже много лет.

Кира облизнула сухие, обветренные губы, села на ступени лестницы. Когда она заговорила снова, ее голос дрожал, она сама это заметила и тут же взяла себя в руки.

– Я не знаю... рай, ад, бред... Надо собраться в кулак. Надо успокоиться, нельзя размазывать сопли.

Раздался звонкий залиvistый лай. Девушки спланировали вниз. Прислушались около провала. Кошка пыталась вырваться из рук Даны, даже оцарапала ее. Через несколько минут лай стал отдаляться. Кира оглянулась – Таир проснулся и, приподнявшись на локте, тоже внимательно слушал. Наконец донеслось покашливание и добродушное ворчание Шевина:

– Что ты раскричался, заячья душа, будто бы впервой, а? Небось, всех перебудил.

На пороге появился Шевин. Он шурился, войдя со света в полумрак развалин.

– Встали все? Я как раз завтрак готовил, а тут облет.

– Какой облет? – спросил Таир, поднимаясь.

– Да давно уже облетают. Градоначальник организовал полицию. Как в прошлом.

– Из-за Аглаи?

– Думаю, да. Тут у нас люди пропадают, я говорил тебе ночью. Вот и сестра твоя. Чудом каким-то вернулась. Как исчезла, так и все. Не найти!

– Как ищут, так и находят.

– Возможно, возможно. Да вообще, последние лет десять странно стало. Вот, как ты в монастырь улетел. И страшно – временами. Пойдемте есть. Больше никого не будет до полудня. Потом снова облет... И еще около десяти вечера.

Шевин вышел, за ним потянулись остальные. Кухня, где они вчера ужинали, чисто убрана, пахло свежесваренным чаем, какими-то травами. На столе дымился настоящий самовар, вокруг расставлены белоснежные чашки. На блюде горкой – пахнущие сдобой булочки.

– Ну, ты, Шевин, мастер гостей принимать! – восхитился Таир.

– Умываться во дворе, – смущенно пряча глаза, сказал хозяин.

Кира почувствовала такую легкость, когда вышла из ма-занки, что тут же расправила крылья и взлетела. Но следом коршуном метнулся Таир, заставил опуститься на землю.

– Ты не понимаешь, да? – злобным шепотом спросил он. – Они хотели убить мою сестру. Неизвестно, что они сделали

бы с тобой, если бы увидели. А ты тут полеты устраиваешь. Вот они мы, смотрите, восхищайтесь!

Кира взглянула на зловещий Лиловый остров. Скрытый легкой туманной дымкой, он казался миражом. Таинственный и, Кира знала, страшный. Она пристыжено опустила глаза.

– Ты, правда, осторожней, – чуть шепеляво сказала Дана.

После завтрака девушки снова скрылись в развалинах башни. Таир решил прогуляться по городу, присмотреться. Шевин принес гостям виноградный и гранатовый соки, сушеный инжир и курагу, яблоки и виноград. Расставил все на табуретке вместо стола и ушел. В полумраке развалин девушки остались одни. Кира попробовала гранатовый сок, ей не понравилось, хотя цвет – глубоко бордовый, привлекал. Мутно-розовый виноградный оказался куда вкуснее и слаще. Дана пыталась расспросить Киру, но та оказалась очень немногословной собеседницей. Отвечала односложно и скучно. Только когда Дана спросила о семье, немного ожила и кратко поведала о родителях и собаке. Но Киру тоже кое-что интересовало. Она нерешительно спросила:

– А Таир? Вы реально не общаетесь? – Кира удобней устроилась на мате.

– Да, мы мало знакомы. Таир улетел в монастырь, десять лет назад, мне было пять, ему восемь, – Дана поставила чашку с соком на табурет, поднялась.

– А зачем в монастырь?

– Только там можно получить образование. Но всех желающих он принять не может.

– А ты? Туда девочек не берут?

– Берут. Меня обучали родители. Хотели отправить в шестнадцать. Как раз на следующий год. Надеялись, Таир вернется.

– Не вернулся? – Кира подошла к провалу в стене, прислушалась.

– Не дождались, – Дана нахмурилась и закусил губу. – Заболели, сначала мама, потом отец, – голос ее задрожал. – А Таиру дали задание восстановить электростанцию. Или хотя бы разобрать. Нужны запчасти. Электростанции вокруг приходят в негодность. Родители умерли. – Дана гладила спящую у нее на руках кошку, сказала сквозь слезы, – Коша. Я назову ее Коша.

– Как у вас все сложно, – Кира поднялась и направилась к лестнице.

Она оперлась о стену и ощущала рукой прохладу шершавой каменной кладки, провела пальцами по стене. Выглянула в оконце, и не увидела ни одной лодки, катамарана или надувного матраса. И уличных кафе с тентами для тени, маленькими столиками вокруг бухты не видно. Только на Тонком мысу что-то похожее на кафе, но с маяка не разглядеть.

Она уже собиралась спуститься вниз, как услышала писк. Кира приникла к щели: не оперившийся пятнистый птенец стоял на камнях перед ее лицом. Он широко открывал клюв

и требовательно пищал. Кира испугалась, что птенец свалится вниз или здесь его поймает Коша. Она протянула руку, пытаясь подхватить малыша, и в этот же момент рядом с ладонью оказались кожистые, с перепонками лапы. Толстым твердым клювом чайка-мать ударила в ладонь. Было так больно, что Кира невольно вскрикнула, быстро убрав руку. По ладони стекала струйка крови.

Дана кинулась к ней, но Кира уже планировала вниз, держа руку чуть перед собой.

– Перевязать бы, – просто сказала она.

Дана сбросила на пол Кошу и побежала искать Шевина. Кошка потянулась, выгнув спину, и помчалась к лестнице. Кира оглянулась – птенец все же упал, и, смешно переступая голенастыми лапами на досках перекрытия, широко открывая клюв, орал. Забыв о руке, Кира взмыла вверх. Она успела вовремя. Подхватила птенца как раз перед мордой Коши. Вдруг солнце спряталось. Свет закрыла чайка. Она расправила крылья и закричала, наклоняя голову вперед и вниз. Кира хотела поставить птенца обратно, на стену, но чайка кинулась на нее. Ударил в лоб клювом. В окошко влетела еще пара чаек. Они вились над головой Киры, стараясь клюнуть в открытый лоб. Прикрывая лицо одной рукой, Кира второй рукой инстинктивно прижала к себе птенца, боясь, что тот свалится.

Отмахиваясь от птиц, Кира бросилась к оконцу, подтянулась, взявшись за край стены, наполовину вылезла наружу,

повиснув за стеной, и поставила птенца на крышу. Возвращаясь назад, получила еще несколько ударов клювом и после очередного потеряла сознание и свалилась вниз.

Шевин вбежал в башню вовремя. Он успел взлететь и подхватить Киру на руки. Нападение продолжалось не более трех минут, но рука, лоб и колени девушки были в ранах. Птицы носились над головами, пытаясь достать Киру. Коша прыгала, как истинная охотница, раскинув лапы в надежде поймать разъяренную чайку.

Шевин крикнул Дане:

– Быстро, в мазанку. Ох, гиена порченная! Кошку заведи, а то заклюют.

В кухне Шевин положил Киру на пол. Она пришла в сознание, как только Дана начала обрабатывать раны на лбу.

– Что это с ними? Они реально напали на меня стаей!

– Ты украла у них птенца, – сказал Шевин.

– Я не украла. Он свалился с крыши на стену, оттуда на перекрытие. Я боялась, что Коша поймают.

– Ну, чайки так много не понимают. У них инстинкт. Птенец у тебя – значит, ты украла. Как, знаешь, некоторые делают? Сопрут что-нибудь, съедят, а огрызки или упаковку соседу подбросят. Бывают у нас такие.

– А симпатичный птенец, в пятнышко.

– Надо же, ее до обморока довели, а ей «симпатичный», – рассмеялась Дана, обрабатывая Кире руку.

Кира, поднялась, покачиваясь, подошла к зеркалу. На лбу

зияло несколько глубоких ран.

– Реально – рубленые, – прошептала она себе под нос, разглядывая, – интересно, шрамы не останутся?

– Нет, я сейчас травку заварю. Прекрасно заживет, обещаю, – Дана возилась около печки, насыпая какую-то пахучую смесь трав в миску с водой и ставя на огонь, – остынет, будем смачивать каждые пятнадцать минут. Уже к вечеру затянется.

Кира перевела взгляд на руку. На предплечье и ногах раны оказались серьезней. Даже кусочки кожи вырваны.

– Не птицы, а звери хищные, – сказала она.

– Родители, просто родители, матери, отцы. Чайки стаями защищают детей, – уточнила Дана, размешивая варево.

Шевин скрылся за печью и вышел через несколько минут со словами:

– Улетели. Можете возвращаться, – он помог Кире спуститься вниз по лестнице, – и сока попей, гранатового, помогает.

* * *

Таир шел по набережной, посматривая по сторонам. В этом месте, где до катастрофы была основная часть города, сейчас жили бедняки. В подвалах разрушенных домов ютились беспризорники. Но Таир заметил, что часть развалин разобрана. И на их месте что-то строят. Он долго наблюдал,

как мускулистые парни засыпали мелкими камнями, наносимыми горными реками, ямы, вырытые под фундамент. Наконец один из рабочих оторвался от дела и подошел к нему.

– Давно ты здесь? – спросил он.

Таир почувствовал, что парень его знает, но сам узнать собеседника не смог.

– Вчера приехал. За сестрой, да на могилу к родителям сходить хотел.

Парень кивнул понимающе и отошел.

– Погоди, – окликнул его Таир, – а что вы строите здесь?

– Новый дом для Аглаи.

Таир пошел дальше, прохожих было мало. Знакомых не встретил. Город за десять лет его отсутствия почти не изменился. Только деревья стали выше. Таир свернул на Тонкий мыс, дошел до городского кафе. Там под парусиновым тен-том, колышимым свежим бризом, на круглых, плетеных из ивы столиках в керамических вазочках стояли цветы. Плетеные кресла манили отдохнуть. Таир прошел к дальнему столу, сел в ожидании официанта. Подбежал мальчонка лет восьми, дважды обмотанный огромным для него белым фартуком, с книжицей заказов.

– Чай, – коротко бросил Таир.

– Может, пирожное?

– Нет, только чай.

Мальчишка убежал. Таир лихорадочно вспоминал старых друзей, думал, с кем можно поговорить, но память подсовы-

вала имена тех, кто или остался в монастыре, или работает в горах, на выработке металла или бумаги. Через десять минут появился мальчишка с керамическими чайником и чашкой в руках. Следом шла высокая брюнетка, слегка покачивая бедрами. Хозяйка кафе, Таир ее узнал. Они вместе учились в монастыре. Она улетела раньше потому, что болела мать. Надо было готовить и подавать в кафе.

Она тоже его узнала. Села рядом.

– Привет, Тереза. Твой? – Таир посмотрел на мальчика.

– Да, старший. Еще трое мал мала. А муж вот слег. Лучший лекарь Рамон, ходит раз в неделю, да толку...

– А родители?

– Знаешь, у нас тут старшее поколение до сорока редко доживает. Умерли и мои, и его родители. Вот и твои тоже. Поговаривают – радиация все.

– Ну да, раньше радиации было больше, а жили дольше. Нет, тут что-то не так.

Они замолчали надолго. Таир спросил о нескольких общих знакомых, но Тереза не могла помочь: в кафе ходят одни и те же люди. И среди них названных Таиром не было.

– А ты к нам надолго?

– Сестру заберу и уеду, – Таир посмотрел в глаза собеседнице.

Она перевела взгляд на Лиловый остров.

– Не знаю, найдешь ли, – сказала, поднимаясь, – пойду. Сегодня у нас гости. Большой заказ.

Оглядываясь вокруг, Таир отметил странное запустение, какую-то обреченность во всем. Не было того веселья, которое он помнил с детства, которым жил, в надежде, что вернется в радостный и привычный мир. Редкие прохожие безразлично поглядывали на него и уходили, опустив вниз головы. Только дети еще смеялись. Так же беззаботно, как и он когда-то. Может, радость – это особый дар, дающийся только малышам? Хотя нет, сын Терезы тоже ходил, опустив вниз голову, напряженно смотря под ноги.

Таир посидел еще немного, в груди стало тесно, тревожное волнение сдавило сердце. Надо возвращаться, решил он. Назад он не пошел пешком, взлетел и через двадцать минут опустился в виноградник перед маяком.

Увидев Киру с повязками на лбу, руке и ногах, выслушав отчет Даны о происшествии, Таир возмутился:

– Ни на минуту оставить нельзя! То в небо, то птиц вызывать! Ты что, в спасатели готовишься?

– Почти. Во врачи. Готовилась дома... Теперь не знаю. Просто выжить бы, – у Киры дрогнул голос.

– Вечером разойдемся, – решительно заявил Таир, – ты пойдешь со мной в город, Дана останется здесь. О тебе они не знают, и тебя можно представить женой, если же увидят ее, то и дом вместе с нами спалят. Я не могу сразу улететь. Надо выяснить, что случилось с родителями.

Глава третья. Плохие новости и страшные тайны

Аглая смотрелась в зеркало, расчесывая жидкие седые волосы. Мерзкий шрам, пересекший лицо, с годами стал похож на узловатую, выбеленную непогодой веревку, с которой ветхой тряпкой свисала тонкая сухая кожа. Криво улыбнувшись, Аглая надменно подняла брови: красота не только проходяща, иногда она лишь помеха счастью. А счастье Аглая себе построила. Кто еще в городе, в их Потерянном мире жил в таких хоромаш? У кого еще столько последователей, слуг? Кто так вкусно и сытно ест?

Удовлетворенно кивнув отражению, Аглая накинула легкое парео, надела сандалии и вышла на оплетенный винным виноградом балкон. Она села в кресло в тени перед небольшим сервированным к завтраку столиком, взяла бокал, наполненный красным вином, и несколько вишен, отодвинула лозу, закрывающую обзор. Море спокойно плескалось, вдали виднелся Лиловый остров. Аглая ждала гонцов. Солнце почти в зените, а их все не видно.

Она понимала – найти и захоронить останки девушек не так-то просто, только уже пора бы и возвращаться! Немного жаль красавицу Дану, но та отказалась повиноваться. Это ее ошибка. И чужестранку жаль. Аглая видела, как бескры-

лая девушка пряталась за кустами. Предложила Рамону забрать незнакомку с собой, но тот не захотел. Кем же была эта девушка? Аглая пошевелила крыльями. Бескрылая! Откуда она? Да, зря оставила!

Аглая вспомнила прабабку, та говорила, что очень давно, много веков назад, у людей не было крыльев. Они стали появляться после большой катастрофы. Сначала не у всех, а потом... Аглая поднялась и неспешно прошла по балкону, посмотрела вниз. Три девчушки что-то рисовали на камнях. Аглая хлопнула в ладоши. Девочки испуганно взглянули вверх и что было сил бросились бежать прочь. Аглая рассмеялась. Да, ее боятся!

Кто-то говорил, что в городе появился Таир. А что он теперь? Несчастный сирота! Пожалеть его, что ли? Бедный мальчик, потерявший родителей, а теперь и сестру. Аглая усмехнулась, высчитывая, сколько ему может быть лет? Молод. Еще и двадцати нет. Пусть поищет сестренку. Да он уже и не помнит, как та выглядела. Столько лет в монастыре.

Да где же гонцы? Она нетерпеливо взглянула на море и увидела, как, расправив огромные крылья, от острова к городу неслись три фигуры. Аглая позвонила в серебряный колокольчик, и на балкон выскочила девушка лет пятнадцати со светлыми короткими волосами, чуть припухшими губами и покрасневшими, будто только что плакала, зелеными глазами. Она коротко взглянула на Аглаю и уставилась в пол, непрерывно кланяясь.

– Принеси еще бутылъ вина, три бокала и холодное мясо, – приказала Аглая, – и кресла придвинь. Летят.

Служанка кинулась выполнять распоряжение, неловко повернулась и наступила на свисавшее до полу парео, тряпица слетела, обнажив девушку. Аглая расхохоталась, потом нахмурилась и прошипела:

– Молодостью хвастаешься? Смотри, дошутишься!

Пряча наготу крыльями, девушка подхватила упавшее парео и выскочила с балкона. Аглая расстроилась – юное тело напомнило о возрасте. Кроме того, это еще и плохая примета – увидеть наготу перед важной встречей. Хотя, что тут важного? Слуги летят с острова. Не в первый же раз! Вот если бы пришел начальник стражи или госпиталя, тогда – да, это была бы важная встреча. А так! Аглая посмотрела на быстро приближающиеся силуэты. Уже близко!

Вернулась служанка с вином и бокалами на подносе, поставила на столике, придвинула кресла, спросила:

– Фрукты добавить?

Аглая кивнула, но девушка продолжала стоять, глядя в пол. Она не видела кивка. Это взбесило хозяйку, схватив с кресла тонкую кожаную плетъ, Аглая хлестнула по ногам служанки, крикнула:

– Быстро! Фрукты и мясо!

Девушка, с трудом сдерживая слезы, исчезла. Когда один за другим на балкон опустились мужчины, Аглая спокойно сидела в кресле и пила вино. Низко поклонившись, один из

них, сделал шаг вперед и сказал:

– Прости, Аглая, у меня плохие новости.

Аглая изумленно вскинула брови.

– Какие могут быть плохие новости? – она не верила своим ушам.

– Пантера убита.

Второй мужчина с поклоном положил на пол перед хозяйкой стрелу, белое оперенье которой стало бурым. Аглая вскочила.

– Это не все, хозяйка, – продолжил речь первый, – мы не нашли свежих костей.

Аглая обошла мужчин и долго смотрела в море на Лило-вый остров. Она готова была зареветь. Но нельзя при слугах показывать слабость. Вернувшись к столу, она сказала:

– Там была чужестранка. Без крыльев. Вы ее нашли?

– Нет, Аглая, – кланяясь еще ниже, ответил мужчина.

– Значит, у меня нет ни кошки, ни чужестранки?

– Кошка есть, хозяйка, – третий мужчина сделал шаг вперед, достал из-за пазухи черного котенка, положил к ногам госпожи, – он голоден, истощен, но его можно воспитать так, как надо тебе.

Аглая радостно подхватила на руки черный комочек, задумалась и сказала:

– О гибели кошки никому не говорите! Найдите мне эту бескрылую бабу. Как уж она выбралась с острова, не важно. Она будет первой, кем полакомится мой котенок! А теперь

– вон! Я буду думать. Далеко не уходите, понадобится, позову.

Аглая нервно постукивала пальцами по столу. Кто убил кошку? Если появившийся в городе Таир, он бы сразу вместе с сестрой убрался в монастырь, коли не дурак. Если бескрылая тварь, обеих девиц нашли бы на острове. Или хотя бы одну. Чужестранка была безоружна. На острове нет луков. Дана точно не могла дать отпор: то количество карнели, которым ее напоили, не позволило бы проснуться даже от невыносимой боли. Аглая подняла стрелу. Разглядывая, искала хоть какой-то знак: многие охотники или воины метят стрелы. На этой не было никаких меток. Кошка начала вырываться из рук.

– Ну, ну, звереныш, – ласково произнесла Аглая, поглаживая котенка, – не бойся. Сейчас придумаем, чем тебя покормить. – Аглая позвонила в колокольчик.

* * *

Шевин после ночного облета ушел проверить сети. Основной заработок ему приносила рыба. Дана чистила овощи за столом мазанки, Кира хотела помочь, но та отмахнулась:

– Гостюй, справлюсь.

Таир, словно медведь в клетке, метался от стены к стене, озабоченно выглядывая то в окно, то в дверь. Ранки у Киры, как Дана и обещала, почти затянулись. Боли она не чувство-

вала. Ей очень хотелось расспросить Таира, но тот слушал рассеянно и отвечал невпопад, занятый своими мыслями, но вдруг он остановился и заявил:

– Кира, будь осторожна! Не выдай себя, уж слишком ты порывиста. Если Аглая что пронюхает, как мы справимся?

– Кто такая Аглая? – спросила Кира.

– Да никто. Впрочем, хозяйка острова, а остров ей отец подарил. Она долго там жила одна. Я даже не знаю, когда она переселилась в город.

– Совсем одна на острове? – Кира даже поднялась с места.

– Ну, не совсем. С мужем. Тот куда-то исчез, она вернулась в город.

Кира рисовала угольком на стене танцующую пару. При этом у обоих были крылья, которые закручивались вокруг фигур спиралью. В мазанке запахло вареной картошкой: Дана как раз слила воду и добавила в кастрюлю масло.

– В монастыре много картин. Есть очень красивые, – сказал Таир, глядя на рисунок Киры.

– Расскажи о монастыре, – попросила Кира, снова устраниваясь на скамье у стены.

– Монастырь был всегда, – начал Таир, – еще до катастрофы.

– Какой катастрофы? – Кира даже придвинулась ближе.

– Около пятисот лет назад случилась большая катастрофа, – продолжил Таир, – сначала был взрыв, так говорят летописцы, потом пришла огромная волна, больше десяти мет-

ров высотой, и землетрясение. После всего – началась зима. Все завалило снегом, с гор сошли лавины, одна за другой. Померз урожай. Продукты закончились очень быстро. Лекарства тоже. С гор или еще откуда пришли люди. Они были в язвах, с кровоточащими деснами. В летописях сказано, что зима была ядерная, а люди пришли с лучевой болезнью. Тогда же и появился этот Лиловый остров. В то время у нас еще были настоящие врачи.

– Сейчас их нет? – спросила Кира.

– Народ передает знания из поколения в поколение. Дана может лечить. Наша мать была из клана врачей, отец – из инженеров. Поэтому я и работаю на электростанции. Но электричества мало. Детали машин изношены, а новых не создать. Никак не создать. Мы не знаем, что будет дальше.

– Деградирующий мир, – прошептала Кира.

– Мы называем его Потерянным, в надежде, что где-то на планете есть и другой мир. Некоторые заводы частично восстановлены, но станки приходят в негодность.

В кухню вбежал пес Шевина, следом ввалился и сам хозяин с нанизанной на леску рыбой.

– Пошли, Кира! Нам далеко идти, – Таир поднялся.

– Возьмите с собой горяченького, – Дана подала туесок, – здесь картошка с мясом.

Черное небо, усыпанное звездами, казалось совсем близким. Кира узнала ковш Большой Медведицы. Небо выглядело родным. Пахло хвоей и ночной фиалкой. Море шуршало галькой на берегу. Было чуть прохладней, чем днем.

– Мы не можем лететь? – Кира расправила крылья.

– Не боишься?

– Уже нет.

– Ну, нежелательно. Я же не знаю, может, они установили ночную слежку. Будут меньше знать, нам легче будет.

Они прошли по развалинам, периодически взлетая невысоко над землей, огибая груды камней на месте бывших зданий. Там, где когда-то была набережная, можно было идти пешком. Таир взял за руку Киру, притянул к себе, обнял крылом и прошептал в ухо:

– Притворимся влюбленными. Так менее подозрительно.

Он подлетел к раскидистой кроне ленкаранской акации, оторвал веточку, усыпанную метелками розовых цветов, поднес Кире и снова ее обнял. Кира почувствовала тепло muscularного тела и испугалась. Чтобы как-то отвлечься, стала внимательно рассматривать освещенные луной развалины города. Ей показалось, что местами дерн, покрывший остовы домов, шевелится, что из-под камней за ней следят чьи-то глаза, злобно поблескивая в темноте. Она вздрогну-

ла и тесней прижалась к Таиру. Вдруг с торчащего обломка крыши взлетела ворона. Она громко каркнула, пролетая над их головами. Кира остановилась – сердце затарахтело так быстро, что идти не было сил. Таир подхватил Киру на руки и понес, приговаривая:

– Да что же ты за человек такой, а? То, чуть что и – в полет, то в обмороки падаешь от всякой ерунды!

– Я – безбашенная, – ответила Кира, – поставь меня.

– Погоди, кто-то идет нам навстречу.

Он сильнее прижал к себе Киру и наклонился ближе к лицу. Кира увидела огромные глаза с широкими зрачками и испугалась еще больше.

– Загулялась молодежь, – то ли спросил, то ли подтвердил низкий мужской голос.

– Ага, – весело ответил Таир.

– Погоди, это ты, Таир?

– Я, путник, с молодой женой. Домой иду. Устали. Как там моя сестра?

– Давно не видел. Как только родители умерли, так больше и не видел.

– Надо будет разобраться со смертью родителей, – громко сказал Таир, – с чего бы еще не старые, здоровые люди умерли в один день?

– Разберись сынок, разберись.

Кира не видела собеседника Таира, она притворилась спящей, положив на плечо голову, но слышала звуки шаркаю-

щей походки и, когда человек прошел мимо, приподнялась и посмотрела вслед. В свете луны она увидела седую голову и короткие, растрепанные крылья.

– Что это с ним? – спросила она.

Таир оглянулся.

– Эй, старик, я не узнал тебя. Постой.

Мужчина встал, не оборачиваясь и не поднимая головы. Таир подошел, продолжая прижимать к себе Киру таким образом, чтобы не показать ее лицо собеседнику. Наклонился, вглядываясь. Старик поднял бесцветные не улыбочивые глаза.

– Максимыч? – удивился Таир. – Что это с тобой?

– Длинная история, сынок. Иди и будь осторожен. Плохо тут у нас, плохо...

Старик пошел дальше, Таир долго смотрел ему вслед. Больше они никого не встретили. Скользнув сразу перед поворотом на Тонкий мыс, в переулок, Таир быстро поднялся в гору, остановился около небольшого дома с увитым диким виноградом крыльцом. Не спуская с рук задремавшую Киру, уютно устроившуюся на руках, открыл дверь своим ключом.

– Просыпайся, женушка, – громко сказал Таир и прошептал в самое ухо: – Надо посмотреть, все ли в доме в порядке.

* * *

Порядка в доме не было. Таир закрыл входную дверь, повернул выключатель. Свет не зажегся. Из выдвижного ящика

шкафа, стоящего в прихожей, Таир достал свечу, зажег. На полу валялись перевернутое ведро, куртки и плащи. В нос ударил запах застоявшейся пыли и мышей.

Осторожно переступая через хлам, держа в вытянутой руке свечу и не выпуская руку Киры, Таир пошел вперед. Сначала показалось, что кто-то ходит в дальней комнате, оба застыли, прислушиваясь. Тишина. Через дверь справа виднелась кухня: битая посуда на полу, перевернутые кастрюли. Зловонная лужа скисшего, с огромной пушистой шапкой серой плесени, борща прямо перед раковиной, из-под которой каплями сочилась вода. Таир даже заходить туда не стал. Посветил, посмотрел и пошел дальше. В спальне Даны тоже царил беспорядок. Таир понял, что сестра боролась. На полу валялись разбросанные и порванные простыни, следы крови на них темнели бурыми пятнами. В гостиной было бы чисто, если бы не перевернутые книги.

– Что же они искали? – прошептал Таир, осматриваясь.

В спальне родителей вывернуты только тумбочки. Шкаф не тронут, хотя дверцы распахнуты. Одежда висит ровными рядами, так же аккуратно разложены майки и постельное белье. Таир задернул шторы.

Две кровати, стоящие параллельно, застелены шелковыми покрывалами. Между кроватями тумбочка, на ней заложная закладкой книга. Под кроватями домашние тапочки, рядом на стуле цветастый ситцевый халат. Казалось, что хозяйева вышли по делам совсем ненадолго. На стене портрет,

написанный простым карандашом. Счастливые молодые люди и двое детей. Кира поняла – Таир за спиной отца, лет десяти, и Дана на руках у матери, лет трех. Таир проследил за ее взглядом, пояснил:

– Это в монастыре. Когда я туда улетел. Все летели. Даже маленькая Дана.

Кира почувствовала легкий укол зависти. У них фотографий в доме не было. Все на каких-то электронных носителях.

– Спать будем здесь. Во-первых, я думаю, молва быстро разнесет, что я приехал с женой. Так что, лучше пусть знают, что мы спим в одной спальне. Ты ложись, я займусь уборкой на кухне.

Кира кивнула. На ней были все то же парео и купальник.

– Кстати, выбери себе одежду. Здесь все материно. Впрочем, даже хорошо: будешь смотреться чуть старше. И сразу видно, что одежда наша. Слышь, как мы замаскировались? – он улыбнулся.

Кира опять кивнула.

– Да ты почти спишь уже, – заметил Таир, – спи. Я пойду на кухню.

Кира уснула моментально.

Таир прошел на кухню, открыл окно настежь и стал собирать мусор. Периодически, взяв в руки какой-нибудь черепок, он застывал, вспоминая мать, ее улыбку. Она любила кухню. И то, что здесь творилось сейчас, Таир воспринимал как кощунство, насмешку. От этого становилось больно.

Наконец, вся битая посуда была собрана. В ведро отправилась и скисшая лужа с пола. Немного подумав, Таир поставил ведро с мусором на окно, а сам принялся мыть полы. Он услышал шорох, оглянулся – ведро с мусором с подоконника исчезло. Выглянув, Таир увидел удаляющуюся на крыльях фигуру. Кто это был, не рассмотрел. Сначала хотел кинуться следом, но передумал. Он уже почти домыл полы, когда снова послышался шорох от окна. Оглянувшись, Таир увидел, как на подоконник садится молодой мужчина со светлыми курчавыми волосами почти до плеч, перехваченными через лоб тесемкой. Рядом с собой он поставил пустое ведро.

– С луной тебя, друг! – улыбнулся гость. – Вот, решил помочь.

– Нико! – Таир подскочил к окну, обнял парня, неуклюже расставляя в стороны грязные руки, – как ты?

– Нормально. Ты-то как?

– Плохо. Вот, – Таир развел в стороны руки, показывая разоренную кухню, – впрочем, я уже убрал.

– Я видел, ты пришел не один.

– А, то жена. Спит. Умаялась совсем. Я вот сестру не найду. И мать с отцом как-то странно, в один день, мне сказали, умерли. Ты ничего не знаешь?

– Говорят, угорели?

– Почему девчонка не пострадала? – Таир смотрел в глаза друга и чувствовал: надо быть осторожнее.

– Честно скажу, не знаю. Сходи к градоначальнику, по-

спрашивай там. Было же следствие.

Они замолчали. Таир снова взялся за тряпку, домывая пол. Нико задумчиво морщил лоб и смотрел в пол, где Таир старательно растирал грязь. Вдруг в кухню заглянула Кира. Она увидела Нико, охнула и потеряла сознание. Таир подхватил ее, сказал другу, оглянувшись:

– Беременна, понимаешь, отнесу сейчас и вернусь.

Таир отнес Киру в спальню, уложил в постель. Через не плотно задернутые шторы проникал тусклый свет фонаря. Красные, почти затянувшиеся раны на лице Киры делали ее еще бледнее. «Только бы не воспалились», – подумал Таир, проведя рукой по лбу девушки. Показалось, что у нее жар. Он вернулся в кухню. Нико не было. Таир набрал воды из-под крана в уцелевший стакан, вернулся в спальню. Кира стонала, разметавшись в постели. Таир смочил кусочек чистого полотенца, провел по лицу девушки. Кира открыла глаза:

– Он был там, на острове! Он привязывал Дану к столбу!

Таир вздрогнул, ощутив холодок в груди. Догнать и убить? Но он вырос с этим парнем. Они вместе учились в монастыре. Нико уехал на три года раньше, как и многие другие, из-за болезни родителей, и вернулся в город, а Таир отправился на разрушенную электростанцию, пытаясь как-то ее восстановить.

– Я не знаю, что об этом думать, но... Тебе здесь будет опасно, впрочем, как и у Шевина. Нет, у Шевина все же не

так опасно.

Услышав шаги в коридоре, Таир открыл дверь. Нико смущенно улыбался.

– Я принес вам посуду. И поесть.

Таир взглянул на друга. Тот смотрел прямо и открыто. Таир засомневался, действительно ли Нико был на острове во время жертвоприношения. Наверное, Кира что-то перепутала.

– Если ты не хочешь есть, то спи, – сказал Таир, оглянувшись в комнату, – мы поболтаем.

Нико уже шел в кухню. Там на столе стоял туесок, наполненный продуктами, рядом сумка с посудой. Свеча чадила. Таир установил ее прямо на стол. Сели друг напротив друга.

– Расскажи, что здесь происходит, – попросил Таир, – куда могла деться моя сестра?

– Я не знаю. Все странно. Аглая появилась лет пять – семь назад. До этого жила на острове. Говорят, овдовела. У нее трое сыновей и две дочери, тоже уже семейные, с детьми.

– Почему ты начал с нее?

– Говорят, с ее появлением начались странности, стали пропадать люди. И погибать непонятно. Раз, и нет семьи. А завещание на Аглаю. Или ее детей. Или приближенных. Как-то странно... Сразу столько вокруг нее собралось народу.

Нико задумался, достал кисет и закурил. Таир поморщился, но промолчал. Он ждал подробности.

– Что не ешь? – спросил Нико.

– Да не хочу, – Таир махнул рукой, – ты рассказывай дальше.

– Погибают состоятельные люди. И еще, многие ушли в ее молельню. Она свою религию здесь проповедует. Себя назначила наместницей Бога на земле. Я пытался проникнуть к ним. Не удалось.

– Как пытался?

– Ходил на проповеди. Принес даже дары. Дальше молельни не пускает. Устраивает обеды с танцами, но не больше.

– Ты сам это задумал? Проникнуть к ней.

– Да, – Нико помедлил, – понимаешь, отец заболел, я и пошел к Рамону. Тот посоветовал молиться.

– Ну и как отец?

Нико поднял глаза и счастливо улыбнулся:

– Почти выздоровел. Гораздо лучше сейчас.

Они снова замолчали. Нико смотрел на колышущееся пламя свечи. Таир – за открытое окно, где на фоне темно-серого неба чернела громада горы.

– Значит, молитвы помогли?

– Или молитвы, или дары, не знаю. Рамон сам варит зелье. Кому-то оно помогает, кому-то – нет.

Таир достал из принесенного Нико туеска сверток. Там оказалось запеченное мясо и сыр, несколько спелых персиков. Есть совсем не хотелось. Мучили сомнения, было тревожно на душе. Таир очень хотел, чтобы друг ушел поскорее.

– А что такое Лиловый остров?

– Говорят, там живет Дух острова. Туда с ней летают самые приближенные.

– А ты летал?

Нико бросил быстрый взгляд на Таира и тут же отвернулся.

– Нет, я не вхож.

Таир кивнул, уже не веря другу. За окном послышался невнятный шум. Тихо поднявшись, Таир осторожно пошел к окну.

– А что ты крадешься? – громко спросил Нико. – Это народ из молельни возвращается.

– Она каждый день службы проводит? – Таир вернулся к столу.

– Нет, но сегодня как раз была служба. Да она только по воскресеньям сама проповедует, а в другие дни служат или Рамон, или Дина.

– Сходил бы я на проповедь, послушал. Да вот жену оставить страшно. Здесь такое творилось! Я думаю, сестру силой увели.

– Никто не видел, как пропала девочка. За домом мы последуем.

– Кто это мы?

– Отца попрошу. Он же все время дома.

Они помолчали еще немного. Нико встрепенулся, сказал:

– Пойду, ты ж спать хочешь?

– Хочу, впрочем, ты заглядывай.

Нико кивнул и вышел через окно. Таир долго смотрел вслед, пока не услышал за спиной шорох и тихий голос Кире:

– Окно закрой.

Таир закрыл створки на щеколду, задернул тяжелые бордовые шторы и только после этого оглянулся. Кира улыбалась ему какой-то вымученной улыбкой. Улыбкой несчастной собаки.

– Устала?

– Мне реально страшно.

* * *

Нико шел медленно. Он понимал, почему соврал другу. Дана мертва. И об обрядах на острове знали единицы. Остальные под отварами Дины и Рамона ничего не помнят. Он сам догадался, что бывал на острове раньше и участвовал в кровавых действиях, только той ночью. Той, когда... У него замерло на несколько секунд сердце, при воспоминании, как он нес Дану к жертвенному бревну. Замерло, а потом резко ухнуло куда-то вниз и затарахтело. Нико успокаивал себя тем, что ничем не мог помочь сестре друга. Это будет его самая большая тайна. Тайна его тайн.

Вокруг блекло горели фонари. Электричества едва хватало на дома, поэтому улицы освещали только на перекрестках и в полсилы. Жил Нико почти на краю Тонкого мыса. Неда-

леко от хором Аглаи. К Таиру сегодня он попал случайно: относил больному настой, приготовленный Рамоном. Обычно этим занимались за небольшую плату мальчишки, но надо было срочно, под рукой кроме него никого не оказалось. Когда вышел от больного, заметил Таира и не поверил своим глазам. Тихонько проследил за ним. Тот нес на руках девушку и ничего вокруг не видел.

Нико выкурил не одну самокрутку, сидя на лавочке у чужого забора. Все не решался войти. Было страшно взглянуть в глаза другу. Но, раз тот в городе, войти было надо. Встреча неизбежна, так уж лучше сейчас. У него опять остановилось сердце и снова забилося воробьем в тесной клетке при воспоминании. Глаза Таира, цепкие, недоверчивые, казалось, смотрели в душу и читали мысли, как книгу.

Нико был доволен собой. Не размазался киселем по тарелке. Все выдержал. А жену его он постарается защитить. С такими мыслями Нико подошел к дому. Около ворот топталась служанка Рамона.

– Он ждет тебя, – сказала и словно растворилась в ночной мгле.

Нико вздохнул и пошел прочь от ворот. Он вспоминал свои первые посещения молельни. Несколько раз после очередной проповеди, когда основная масса народа расходилась, его и еще человек десять звали в зал, который Аглая именovala трапезной. Там стоял длинный некрашенный стол, уставленный тарелками, салаты на больших блюдах, позже

приносили огромный противень, на нем благоухала специями и жареным мясом гора шашлыков и дымились овощи гриль. Всех усаживали за стол, и Дина подходила к каждому, наливая из пыльной бутылки вино. Было очень вкусно и сытно, обед продолжался до глубокой ночи, тамбурины отбивали ритм, танцевали женщины, мужчины, и он тоже танцевал так, что утром болели и ноги, и крылья. И почему-то в мокалинах было полно песка. Теперь он знал, почему.

Глава четвертая. Кошки-мышки

Стороннему наблюдателю могло показаться, что Таир празднo шатается по рынку. Он приставал к бойким продавщицам овощей, рылся в залежах битой птицы, перебирал спелые краснобокие яблоки, с наслаждением вдыхая их аромат, долго разглядывал украшения, задержался возле посуды. Заглянул в книжную лавку, полистал журналы, приценился к бумаге, долго перебирал карандаши и блокноты, среди которых попадались дорогие, отделанные золотом и серебром или резным деревом, экземпляры, но ничего не купил. Наконец, он подошел к продавцу одежды. На прилавке были разложены теплые, вязанные из овечьей шерсти костюмы. Больше всего Таиру понравилось, что есть не просто прорезь для крыльев, в этих костюмах из очень тонкого пуха были связаны накрылья. Таир даже приложил один к себе, чтобы определить, подойдет ли вещьца девушкам. Вдруг он услышал шепот:

– Иди дальше, Таир. Тебя пасут. И очень плотно.

С трудом подавив желание оглянуться, Таир бросил на прилавок костюм, спросил:

– Мальчикам пятнадцати-шестнадцати лет это подойдет?

– Подойдет мальчикам, что ж не подойти, – откликнулся продавец с широкой улыбкой на лице и тут же прошептал: – Один с накрыльями, один – без?

– Все с накрыльями, – ответил Таир.

– Принесу ночью домой, – прошептал продавец и продолжил во весь голос: – А не нравится, проходи! Не толпись здесь, бугай здоровый! Вон, девушкам дорогу загородил.

Таир оглянулся и встретил колючий взгляд черноволосой красавицы.

– Что же не понравилось твоему покупателю, Рой?

– Говорит – тонкая пряжа.

– А зачем вам пряжа толстая? – женщина повернулась к Таиру. – У нас всегда тепло.

– Я люблю, когда жарко, – ответил Таир, уходя.

Ему очень не понравились эти глаза – черные, глубокие, как морские воды далеко от берега. Таир покрутился еще на рынке, замечая теперь, что за ним следом все время кто-то шел. Их было трое. Один высокий широкоплечий парень и две девушки. Если отставал парень, то появлялась одна из девушек, отставала она, сзади оказывалась вторая. Таир понял: Аглая знает о смерти кошки и спасении сестры. Иначе, зачем бы ей следить за ним.

Таир решил все-таки что-то купить. Он взял кусок вяленого мяса и выбрал круг зрелого сыра, почти сухого. Расплатился, завернул покупки в тряпицу и оправился домой. По дороге зашел к другу отца. Ожидая на крыльце, пока откроют дверь, наблюдал, как провожавшая его девушка металась в поисках укрытия. Таир хотел знать, давно ли за ним следят. Лихорадочно вспоминал, не выдал ли укрытие, где спрятана

сестра. Дверь ему не открыли, видимо, в воскресный день весь город толкался на рынке.

Дома Таир поставил на огонь чайник и из-за штор долго наблюдал за улицей. Он уже жалел, что пооткровенничал с продавцом. Но около дома никто не задерживался и вообще, не ходил. Значит, они ищут его сестру в другом месте. Надеются, что Таир их выведет. Но что он мог спрятать кого-то в собственном доме, под носом Аглаи, не думают. Он так и не понял, что произошло с родителями, но чувствовал – надо уходить. Лучше вернуться позже, когда сестра и чужестранка окажутся в безопасности. Кира подошла сзади.

– Что ты высматриваешь? – спросила она.

– Хвост за мной был, на рынке, но к дому не подошли. Уходить бы надо. Ты закройся, я слетаю к Шевину. Дверь никому не открывай. Если что, постарайся прилететь на маяк.

* * *

Шевин все время что-то делал: утром поливал виноград, в обед строгал доски. Дана заскучала в башне. Кошка спала, набегавшись за ночь по соседним развалинам, книг у Шевина почти не было, а то, что она нашла, прочитано еще в детстве. Дана осторожно выглянула из двери мазанки. Дик, пес Шевина, подскочил, поскуливая, упал и перевернулся на спину, подставляя живот. Дана села на корточки, принялась почесывать пушистое брюшко, в этот момент появился Ше-

вин с охапкой обрезанных виноградных лоз.

– Что, красавица, скучно одной?

– Да уж, тоскливо.

Шевин подтащил к двери деревянное кресло-качалку с потертыми кожаными сиденьем и спинкой.

– Садись, заячья душа. Если кто будет приближаться, Дик залает, ты шмыгнешь в двери.

Лицо Даны расплылось в благодарной улыбке, она села в кресло в тени небольшого навеса и раскидистого старого инжира, продолжила ласкать собаку босой ногой. Шевин взглянул на ее ноги и неодобрительно покачал головой.

– Что? – спросила Дана.

– Да как ты, думаю, будешь в пещере босая?

– Кира тоже босая, – ответила Дана.

– Лапти тебе сплету. Есть у меня береста.

– Я думала, лапти из липы?

– Из липы лучше, но есть береста. Налить сока?

Дана кивнула.

– Таир из дома обувь принесет, – Дана взяла протянутый бокал.

– Только не летать! А то знаю я вас, чаек шустрых, чуть что, и в небеса...

Он налил и себе сока, в большую керамическую кружку с трещиной на ручке, сел рядом на землю, прислонившись спиной к стволу инжира.

– Откуда она, а?

– Говорит, отсюда. Плавала на надувном матрасе, начался шторм, и ее выкинуло на остров. Что такое надувной матрас?

– Надо было и тебе в монастыре учиться. Может, и беды не случилось бы. Видел в монастыре книги, где они нарисованы, видел.

Внезапно пес подскочил и залаял.

– Прячься, быстро.

Дана стремглав скрылась за дверью, но уходить не стала. Она прижалась к стене и прислушалась. Прошелестели складывающиеся крылья.

– Шевин, с солнцем тебя, – услышала Дана сиплый мужской голос.

– С солнцем, парень, мы знакомы?

– Тебя знают все, меня тоже.

– Я не знаю.

– Я от Аглаи.

– А, от Аглаи? И что нужно старухе?

– Девушки.

У Даны едва не остановилось сердце. Ей показалось, что незнакомец может услышать ее дыхание. Вжавшись в стену, она застыла.

– Какие девушки и зачем они старухе? Я слышал, старая карга, гиена порченная, ведет какие-то грязные дела? Это правда, что она приносит человеческие жертвы на Лиловом острове?

– Я пришел от Аглаи. И ты мне скажешь, где девушки!

– Да что ты мне вместе с Аглаей? Я и так жалею, что помог ей тогда! Передай своей госпоже, если узнаю что, ей несдобровать!

Гость рассмеялся каким-то кашляющим, натужным смехом.

– Ты забываешься, Шевин.

Дана услышала непонятный шорох, а потом звук удара о землю. Не выдержав, чуть отодвинула занавеску и взглянула в щелку. Гость, огромного роста мужчина, растянулся на земле, крылья раскинуты в стороны, в одной руке палка, ноги слегка задраны вверх: вокруг щиколоток обмотана веревка. Шевин стоял, высоко подняв руку с концом той самой веревки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.